

За красотой

На земле симбирской родилось три талантливых писателя, создавших литературные произведения по следам своих путешествий. Но если «Письма русского путешественника» Николая Карамзина и «Фрегат “Паллада”» Ивана Гончарова широко известны, то «Корабль “Ретвизан”» Дмитрия Григоровича читали лишь немногие. И по причине весьма прозаической: отдельной книгой эти путевые очерки нашего земляка издавались всего один-единственный раз в 1873 году, а в 1896 году были включены в девятый том раритетного полного собрания сочинений писателя в 12-ти томах.

Дмитрий Васильевич Григорович родился 31 марта 1822 года в селе Никольское-на-Черемшане Ставропольского уезда Симбирской губернии, где его отец, отставной майор Василий Ильич Григорович, служил управляющим именем матери будущего писателя В.А. Соллогуба. О своих детских годах, проведённых на родине, и последующих посещениях Симбирской губернии Дмитрий Григорович оставил интересные воспоминания. Скончался наш земляк 3 января 1900 года по новому стилю в Санкт-Петербурге, похоронен на Волковом кладбище. Большая жизнь Григоровича была насыщена литературным трудом, тесным знакомством и сотрудничеством с выдающимися людьми XIX века. В их числе Ф. Достоевский, Н. Некрасов, Л. Толстой, И. Тургенев, А. Дюма, И. Гончаров, А. Бутлеров.

На протяжении 20 лет наш земляк, обожавший искусство, занимал ведущие посты в Обществе поощрения художников. В 1867 году был художественным экспертом русского отдела на Всемирной выставке в Париже, впоследствии был удостоен званий Почётного члена Академии художеств и члена-корреспондента Петербургской Академии наук.

Григорович одним из первых поддержал художников Фёдора Васильева, Илью Репина, Николая Рериха, писателя Антона Чехова. В 1876 г. Иван Крамской написал прекрасный портрет нашего земляка (на фото сверху).

Ярким эпизодом в жизни писателя стало путешествие вокруг Европы на корабле «Ретвизан», совершённое в 1858–1859 годах. Таким образом, ровно 150 лет назад началось развитие событий, за которыми последовало и это путешествие, и публикация путевых очерков замечательного писателя в «Морском сборнике», в которых, несомненно, отразился талант автора, его восхищение красотой – природы, искусства, женщины, самобытных нравов и обычаев народов Европы.

Из книги Григоровича «Корабль “Ретвизан”»

В 1858 году получил я в деревне письмо от Ив. Ив. Панаева; он передал мне поручение, сделанное ему тогда управлявшим канцелярией морского министерства. Поручение состояло в том, чтобы спросить меня, не соглашусь ли я, по примеру Гончарова, сделать кругосветное плавание, с тем, чтобы описание путешествия помещалось в «Морском сборнике».

Неожиданность предложения смутила меня, но ненадолго. Возможность объехать свет, увидеть незнакомые страны, куда давно влекло воображение, испытать ряд новых впечатлений – всё это было слишком соблазнительно, чтобы не воспользоваться таким случаем. Неделю спустя (это было в июне) я отправился в Петербург. И.И. Панаев, которому А.В. Головин поручил вербовку литераторов, имея в виду поднятие интереса «Морского сборника», пришёл в восторг от моего согласия: первым удовольствием Панаева было, когда открывалась ему возможность услужить кому-нибудь или сделать приятное.

Во время представления различным властям я узнал, что в начале августа должен буду занять каюту на корабле «Ретвизан». Но прошёл июль, август, а корабль не был готов к отплытию и стоял в кронштадтской гавани.

...Получено было наконец извещение, что корабль «Ретвизан» готов к отплытию. Я поспешил в Кронштадт, но здесь узнал, что маршрут корабля совершенно изменён против прежнего; вместо того, чтобы идти вокруг света, ему назначено присоединиться к эскадре Средиземного моря и сопровождать великого князя Константина Николаевича. Вместо Явы, Китая, Японии приходилось видеть Испанию, Италию, Грецию и т.д. Что ж, и это было недурно! Я отправился. Путевые мои заметки от Петербурга до Генуи, помещавшиеся сначала в «Морском сборнике», собраны затем в отдельный том. Я начал было писать дальше о нашем пребывании в Афинах, Иерусалиме, Палермо и т.д., но остановился по разным обстоятельствам...

Из последующих разговоров я узнал несколько подробностей о корабле.

«Ретвизан» выстроен в Петербурге; 17 сентября 1855 года он спущен в Неву и в том же году переведён в Кронштадт, где был окончательно отделан. Он вмещает в себе всевозможные усовершенствования, введённые первый раз на наших кораблях и ставящие его наряду с лучшими судами иностранных морских держав. «Ретвизан» уже потому должен заслуживать наше внимание, что на нём всё русское, национальное, начиная с леса и кончая машиной, которая построена на одном из лучших петербургских заводов. «Ретвизан» по-шведски значит правосудие. Вы спросите, вероятно,

На «Ретвизане»

почему русскому, чисто национальному кораблю дано шведское название. Вот как это произошло: не помню, в каком году, каким образом и даже каким капитаном взят был шведский корабль, носивший такое название. С тех пор имя «Ретвизан» сохранилось в нашем флоте. «Ретвизан» выражает, следовательно, две мысли, которые в одинаковой степени могут удовлетворить нашу гордость: победа над шведами и, главное, преуспевание наше в кораблестроительном искусстве.

***

Климат, темперамент, национальный характер обуславливают жизнь народа; естественно, что жизнь в Испании должна управляться другими условиями, чем у нас. Романтик, восторженный мечтатель – у нас, например, комические типы, чуть ли не синонимы школярства, сумасбродства,

тупоумия; романтическое направление не только осмеивается в личностях, его преследуют даже в произведениях литературы. Теперь только в Испании, да ещё, может быть, в Сицилии романтизм и поэзия сохранились не только в старых романсах, но и в самой жизни. Вы их встречаете здесь гуляющих по улицам так же действительно и свободно как у нас чиновников, офицеров и так называемых деловых людей.

Ступайте ночью по Севилье, загляните в любой переулок, не в ту часть его, которая посеребрена луной, но в другую, где чёрная тень домов обрисовывается на синем небе – вы непременно различите мужскую фигуру, завернутую в плащ; широкая шляпа низко надвинута на глаза, правая нога упирается в ступень или камень, пальцы слегка перебирают струны гитары... Далее... несколько пар мужчин и женщин танцуют болеро;

живой грохот кастаньет, восклицания, весёлый смех, бряцанье гитар шумно вырываются на улицу; каким огнём дышит здесь каждый взгляд, каждое движение! какая простодушная, откровенная весёлость, сколько страсти и простой, естественной грации! Ещё далее – и снова всё окуталось мраком, снова окружает вас мёртвая тишина. Но даже и в тишине здесь слышится что-то жизненное, точно глухо стучит чьё-то сердце, точно пульс бьётся ускоренным тактом. Дело в том, что Севилья, даже и в самый поздний час ночи, только притворяется спящей; она засыпает только с зарёй. Как бы поздно ни было, в самых глухих, отдалённых переулках не перестаёт бродить таинственный шелест, в котором чудятся вам то отдалённый лепет и вздохи, то мелодические аккорды гитары... В самом воздухе, напитанном запахом лимонных и апельсиновых деревьев, проносятся словно какие-то жаркие струи, чьё-то страстное дыхание, которое наполняет сердце неведомыми до того волнением, желаниями, страстью...

***

Здесь театральные танцовщицы очаровательны. Они могут только не нравиться нашим балетмейстерам... Испанская танцовщица – просто прежде всего хорошенькая женщина; в ней увлекательно именно то, что нет ничего заученного, условного; каждое её движение отмечено свободой и природой, натуральной грацией; она танцует не по заказу, но страстно, с увлечением. По этому самому любитель танцев (а кто же не сделается им в Испании!), чтобы вполне усладить себя, никак не должен идти в театр; сценическая обстановка решительно отымает здесь половину удовольствия; вы видите живой танец, исполненный страстными воодушевлёнными женщинами, вам не сидится на месте, вас невольно тянет вперёд, вы увлечены, а тут сиди, не трогайся с места и смотри издали!

Андалузцы, большие охотники до танцев, предупредили такое неудобство... В Севилье существует особое место, куда сходятся по вечерам танцоры и любители национальных танцев. Там только, с полной непринуждённостью, во всём великолепии исполняется настоящий типический болеро, арагонская хота (на иллюстрации), олефанганго и сегидилья.

Материал подготовил
Сергей Петров

